

Кира Малёк

Наваждение

<https://litres.ru/74238817>

Аннотация

Я не могу перестать думать об этом придурке. Роман Громов. Грязный, грубый, избалованный, татуированный, высокомерный придурок, сын знаменитой мамы -модели. Я его ненавижу, мы просто учились вместе. Он переспал практически с каждой девушкой в нашем городке. Кроме меня. Я хорошая девочка, ответственная, и закончила колледж с отличием. И что бы не быть синим чулком на фоне других девушек, я просто приняла худшее решение в жизни. Я потеряла девственность с ним. Но самое весёлое, что я только что узнала, что мой отец женится на его матери.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	48
Глава 8	56
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Глава 1

Он стоит, прислонившись к дверному косяку, и даже не пытается изобразить удивление. Наоборот — кривая усмешка так и застыла на его губах, будто он ждал этого момента. Рома выглядит до неприличия довольным. Самодовольным. Сытным. И это бесит настолько, что руки чешутся подойти и стереть эту наглую ухмылку с его лица. Размазать. Убрать.

Но я не двигаюсь. Стою как вкопанная, посреди гостиной, в которой выросла, и чувствую, как сердце колотится где-то в горле. Нет, громче. Мне кажется, этот стук слышат все — и мамыны фикусы, и хрусталь в серванте, и он. Особенно он.

Роман Громов.

Дьявол во плоти.

Дьявол с самыми голубыми глазами на свете — настолько светлыми, что в них больно смотреть. И этот дьявол сейчас в моём доме. Среди папиных дипломов и запаха ванили из кухни.

Его взгляд задерживается на мне. Всего на секунду, но этого хватает, чтобы я провалилась — камнем в ледяную воду воспоминаний. Его дыхание, обжигающее шею. Моё тело, извивающееся от предвкушения — от того, что вот-вот случится. Как он прикусил край моей губы тогда, в темноте. От этого движения у меня перехватило дыхание — я до сих пор не понимала, что это было: удовольствие или боль. Граница стёрлась. Когда он кончиком пальца, а потом и членом коснулся меня там — само-

го сокровенного, самого запретного — я вздрогнула. Мелко, по-щенячьи. Рома тогда посмотрел на меня странно — с прищуром, с тенью сомнения, которую я так ненавидела. И спросил:

— Принцесса, скажи, что у тебя уже это было?

Я заставила себя рассмеяться. Громко. С вызовом. Хотя внутри всё тряслось — от страха, от стыда, от желания. В отличие от Громова, у меня не было ничего. Никакого опыта. Ноль. Я была пай-девочкой. Дочкой депутата. А у отца имелись чёткие ожидания относительно моей репутации — такие жёсткие, что дышать было трудно.

Никто и не пытался залезть ко мне в трусы. Серьёзно. За двадцать лет — ни один парень. Кроме Ромы. Которому плевать на правила. На папины связи. На ожидания. Ему всегда было плевать.

Неделю назад я сидела в ванной, сжимала телефон и повторяла себе: «Хватит быть синим чулком». Мне двадцать. Отец отправляет меня за границу — престижная работа, дипломатические рауты, будущее, расписанное на годы вперёд. И я точно не собираюсь уезжать с нетронутой девственностью. Как в восемнадцатом веке. Нет. Это не для меня.

Я сама написала ему первой.

Сама. Это важно.

Я помню, как он ответил через три минуты. И помню, как всё случилось.

— Скажи мне, принцесса, — его голос тогда был почти рыком, низким, с хрипотцой, от которой у меня подкашивались колени, — это ведь не в первый раз? Да?

— Конечно, нет, придурок, — соврала я, сжав челюсти так,

что свело скулы. Сделала лицо каменным. Хотя пальцы дрожали. — Ты собираешься меня трахнуть или как?

 Голос отца выдернул меня обратно в реальность, как холодный душ.

 — Катюш, — сказал он, похлопывая Рому по плечу, как старого приятеля. — Ты знакома с Романом?

 Знакома ли я с Ромой Громовым? Мои щёки полыхают так, что, наверное, это видно даже с улицы. Все в комнате, кажется, видят, что написано у меня на лице. Крупными красными буквами.

 Да, папа. Я знаю его. В самом что ни на есть библейском смысле.

 Знаю, какой он на вкус — горечь, соль и что-то сладкое, от чего хочется ещё.

 Знаю, как он входит в меня — медленно, до хруста в позвонках, до звёзд перед глазами.

 Знаю, что чувствую, когда кончаю: как впираюсь ногтями в его плечи до крови, как цепляюсь за него, будто он — последняя ниточка между мной и реальностью. Боюсь, что если отпущу — меня просто сдует ветром.

 На следующее утро я пробормотала неловкое «спасибо», глядя в пол, и выскользнула за дверь. Даже не обернулась. С тех пор мы не общались. Ни слова. Ни сообщения. Ничего.

 Прошло две недели.

 И теперь он стоит в моей гостиной. В двух метрах от моего отца.

 Если и существует рейтинг неловких моментов — этот определённо в топе. В голове роятся мысли, как рассерженные осы: «Отец знает?» Нет. Точно нет. Он бы уже задушил его голыми руками, если бы узнал, что этот парень вытворял со мной той ночью. Вырвал бы глотку. От

одной мысли — абсурдной, запретной, — по телу разливается жар. Пульсирует где-то в животе. И я пытаюсь его игнорировать. Правда пытаюсь.

 — Да, — выдавливаю я. Голос звучит громче шёпота, но всё равно какой-то чужой, надломленный. — Я его знаю. Привет, Ром.

 — Привет, принцесса, — отвечает он, и уголки его губ ползут вверх — медленно, как нож по маслу.

 Перед глазами — его лицо в миллиметре от моего. Эти губы. Этот взгляд. Тот самый, от которого плавятся позвонки.

 Рядом с моим консервативным отцом в безупречном пиджаке он улыбается. И подмигивает. Мне. Открыто. Нагло. При папе.

 Если смерть от унижения существует — я в двух секундах от неё. Ещё чуть-чуть — и я провалюсь сквозь землю, сквозь паркет, сквозь фундамент.

 — Ну конечно, вы же учились вместе в колледже, — отец улыбается добродушно и, кажется, совершенно не замечает, что я краснее помидора. Или клубники. Или красной тряпки на корриде.

 — Да, пап. В колледже, — киваю я, как заводная кукла.

 — И ты, наверное, знаешь его маму, — продолжает он, махнув рукой в сторону.

 Я так сфокусировалась на Роме — на его скулах, на его руках, которые я помню на своём теле, — что не заметила другого человека в комнате. Милана Громова. Его мать. Лицо, которое смотрело на меня с обложек глянца с самого детства. Известная модель. Не только в России — везде.

 Почему они у нас дома? Я молюсь про себя — искренне, с

таким пылом, с которым не молилась никогда, — чтобы это оказался просто политический сбор средств. Просто ужин. Просто встреча.

— Здравствуй, Катюш, — Милана делает шаг ко мне, и её рука — холёная, с безупречным маникюром — ложится на мою. В её взгляде — странное, почти пугающее тепло. Какая-то умильная мягкость, которая не вяжется с образом ледяной модели. — Я так много о тебе слышала.

Не успеваю подумать, что это значит, откуда и зачем, как отец произносит сухо и официально — тем голосом, который он использует на совещаниях: — Милана и я должны кое-что объявить. И хотим, чтобы вы услышали первыми.

Я замираю. Даже дышать страшно. Я смотрю, как Милана берёт отца за руку. Как накрывает его ладонь своей. Как смотрит на него — сияя, с какой-то пугающей собственнической нежностью.

Боже. Боже мой. Это как наблюдать за двумя поездами, которые неумолимо сближаются в замедлённой съёмке. Я начинаю догадываться, что он скажет. Я почти уверена. Но внутри всё кричит: «Нет. Этого не может быть. Это не про нас».

Я не могу в это поверить. Физически не могу.

Глава 2

КАТЯ
— Нам удалось скрыть это от прессы, но мы планируем сделать объявление в ближайшее время, — отец произносит это ровным, официальным тоном, а затем прокашливается, будто ему самому неловко.
Нет.
Нет, нет, нет.
Только не это. Только не так.
— Это может стать шоком для вас, — продолжает он, глядя на меня с какой-то дурацкой надеждой в глазах.
Шоком? Это он ещё мягко сказал. Слово «шок» тут вообще ни о чём. Для того, что творится у меня в голове, даже катастрофы мало. Апокалипсис. Коллапс. Всё, что угодно.
— Милана и я встречаемся уже некоторое время, — его голос плывёт, как в тумане. — И мы собираемся сыграть свадьбу.
Боже мой.
Боже мой, боже мой, боже мой.
Я потеряла девственность со своим будущим сводным братом.
Эта мысль врезается в череп, как пуля, и я чувствую, как желудок подкапывает к горлу. Сейчас меня вырвет. Прямо здесь. На ковёр. На их дурацкую идиллию.
Голова идёт кругом — комната плывёт, как палуба корабля в шторм. Я отстраняюсь от собственного тела, будто смотрю на себя со стороны. Вот я — стою посреди гостиной. Вот они — выстроились передо мной, как на параде: папа, Милана, и он. Рома. Все трое смотрят на меня. Ждут. Молчат.
Я чувствую,

как темнеет в глазах. Ещё немного — и я рухну. В последний раз я теряла сознание в больнице, когда мама проходила очередной курс химиотерапии. Я тогда настояла — пришла, несмотря на её слёзы и уговоры. Она говорила, что мне нужно учиться, что скоро поступление, что я должна бороться за место в престижном университете. Но я-то знала. Она просто пыталась уберечь меня. Укрыть от всего этого ужаса. Спрятать правду за высокими баллами и экзаменами. Но даже тогда, даже сквозь её улыбку и папину ложь, я чувствовала нутром — она умирает.

Не отключайся, приказываю я себе. Только не сейчас. Только не перед ними. Не перед ним.

— Очевидно, что многое нужно принять, — доносится до меня голос отца, словно из ваты.

— Очевидно, — эхом повторяю я. Даже не понимая, что говорю. Просто открываю рот, и оттуда вылетают звуки.

— Рома, ты хочешь что-то сказать?

Я вскидываю голову. Щурюсь. Впиваюсь взглядом в Громова, пытаюсь передать ему мысленный приказ: «Молчи. Пожалуйста. Ради всего святого, молчи». Потому что я понятия не имею, что этот непредсказуемый идиот собирается ляпнуть. А он способен на всё.

В ответ — ухмылка. Наглая, расслабленная, будто мы обсуждаем погоду, а не то, что моя жизнь только что рухнула.

Это бесит до скрежета зубов.

И тут меня накрывает новая волна тошноты, уже не физической — ментальной.

А что, если он знал? Что, если Громов знал про их отношения

раньше меня?
 Что, если он спал со мной, уже зная, что наши родители...

 Я не могу додумать эту мысль. Меня выворачивает наизнанку от одного намёка.

 — Этот город не такой уж и большой, — лениво тянет Рома, растягивая слова. — Все всё про всех знают. Это практически инцест.

 Инцест.
 Слово падает в тишину, как камень в стеклянную витрину.

 Лицо Миланы бледнеет мгновенно — она становится блее своей знаменитой фарфоровой кожи. Мой отец просто смотрит на Громова с недоумением, будто тот заговорил на неизвестном языке. Если бы меня не трясло от ярости, я бы, наверное, даже позабавилась. Депутат Логинов Николай — человек, перед которым даже коллеги по партии боятся лишний раз чихнуть, — сейчас выглядит так, будто его окатили ледяной водой.

 Николай Логинов не привык, чтобы при нём бросались такими словами.

 — Рома! — голос Миланы режет воздух, жёсткий и резкий, как удар хлыста. — Мы должны дать Катерине и её отцу минутку.

 Последнее, чего я хочу, — это оставаться с отцом наедине. Я не хочу слушать его оправдания. Не хочу знать, как, чёрт возьми, ему удавалось скрывать эти отношения от всех. От прессы. От меня. От целого мира. Я не готова смотреть на его виноватое лицо и делать вид, что всё понимаю.

 — Мне нужна минутка, — говорю я, чувствуя, как тело двигается само, на автомате. — Пожалуйста.

 Я даже не слышу, что они отвечают. Просто разворачиваюсь и выхожу. Не иду

— вылетаю из комнаты, как пробка из бутылки шампанского.

Коридор длинный, холодный, чужой. Это не тот дом, где я выросла. Это дом, куда отец переехал после маминой смерти — пустой, стерильный, наполненный чужими запахами и чужими людьми. А меня тогда отправили учиться. Подальше. Чтобы не видела, как он учится жить заново без неё.

Я толкаю первую попавшуюся дверь в конце коридора.
Кабинет отца. Не ванная, как я надеялась. Я останавливаюсь на пороге и понимаю, что даже не могу вспомнить, где здесь туалет. Как можно не помнить, где в собственном доме ванная? Но это ведь не мой дом. Никогда не был моим.

Закрываю за собой дверь, прижимаюсь к ней спиной и медленно сползаю вниз. Позволяю тишине накрыть меня с головой, как одеялом.

Вокруг — портреты важных людей. Стены увешаны фотографиями отца с политиками, бизнесменами, иностранными делегациями. Все улыбаются. Все счастливы. Все заключают сделки и пожимают руки.

А на столе, на видном месте, будто главный трофей, — серебряная рамка. Их совместное фото. Папа и Милана Громова. Прижались друг к другу щеками, как влюблённые подростки, и глупо улыбаются в камеру, которую держат перед собой. Счастливые. Беззаботные.

У меня внутри что-то щёлкает.
Я хочу подойти. Взять эту рамку. Разбить. Со всей силы — об стену, об угол стола, об пол. Смотреть, как стекло разлетается на тысячу осколков. Как их улыбки трескаются и рассыпают-

ся.

 Но я не сделаю.
 Потому что меня так воспитали.

 При таком идеальном воспитании — как я могла переспать с ним? С человеком, который стал противоположностью всего, во что меня заставляли верить?

 Громов приехал в наш город, как проклятие. Как торнадо, который срывает крыши и не спрашивает разрешения. Его репутация бежала впереди него, но ему было плевать. Ему всегда было плевать.

 Я бы всё равно не стала с ним разговаривать, даже если бы ничего о нём не знала. От него с первого взгляда несло угрозой. Презрением ко всем правилам. Он подошёл к моей лучшей подруге Соне и сразу же предложил «частную экскурсию» к себе домой. Она отказалась, а он рассмеялся, подмигнул и повернулся ко мне: «А ты, принцесса, хочешь?» Если бы я могла закатить глаза сильнее, я бы их вывихнула.

 Три года учёбы. Три года, в течение которых Громов методично подтверждал каждую статью, написанную о нём в жёлтой прессе. Курение в запрещённых местах. Алкоголь. Вечеринки, которые гремели на весь город. И ничего ему не было — мамыны жертвования закрывали любые проблемы. Он был одним из тех, кто мог очаровать кого угодно. Язык как бритва, улыбка как капкан. Через его постель прошло столько девушек, что сбиться со счёта было легко. Но главное — репутация Громова в спальне была даже громче, чем за её пределами.

 И я попалась.
 Как последняя дура.

 Дверь за моей спиной дёргается — кто-то пытается её

открыть. Я вздрагиваю, выныривая из мыслей.

 Одного того, что я потеряла с ним девственность, уже достаточно для пожизненного унижения. Это была тайна, которая должна была умереть вместе со мной. Но теперь, с учётом нового уровня абсурда и драматизма, это превратилось в настоящую катастрофу. И всё это случилось всего десять дней назад. Десять дней. Это была одна из тех вещей, которые никогда не должны были произойти. И всё же произошли.

 Я отхожу от двери, делаю шаг назад, выпрямляюсь. Готовлюсь к неизбежному разговору с отцом. Буду смотреть ему в глаза. Буду слушать. Буду делать вид, что я взрослая и сильная.

 Дверь открывается.
 Но на пороге не папа.

 Громов.

 Я выдыхаю — так сильно, что, кажется, из лёгких выходит весь воздух.

 С ним. Мне нужно поговорить с ним. Я знаю. Но сейчас? Прямо сейчас, когда у меня в голове каша из «инцеста», «свадьбы» и «я потеряла девственность с братом»?

 Что я сделала такого, чтобы заслужить этот массивный натиск кармического дерьма, который Вселенная швыряет в меня? Чем я провинилась? Где ошиблась?

 Громов смотрит на меня, и его губы снова изгибаются в этой его вечной полуулыбке.

 Я готова его убить.
 Но сначала — хочу услышать, что он скажет.

Глава 3

КАТЯ
— Привет, сестрёнка, — голос Ромы сочится ядом, последнее слово он выделяет так, будто пробует его на вкус. Дверь за ним закрывается с глухим щелчком, и он прислоняется к ней спиной, скрещивая руки на груди. Весь его вид — это вызов. Открытый, наглый, невыносимый.
— Не называй меня так, — огрызаюсь я. Голос звучит злее, чем я планировала.
— О, но ты же слышала своего отца, принцесса, — он ухмыляется, и в этой ухмылке столько удовольствия, что хочется выть.
— Ты дурак?
— Я правда хочу это знать. Потому что у меня возникает вопрос: почему каждый раз, когда я оказываюсь рядом с этим человеком, у меня просыпается почти физическая потребность дать ему по морде? Это какая-то аллергия. Инстинктивная ненависть. Или химия, которую я принимаю за неё.
— Он смеётся — коротко, гортанно, и смех этот отскакивает от стен кабинета.
— Ты расскажешь отцу, что произошло между нами? — спрашивает он, и его глаза сужаются.
— Заткнись, — шиплю я, щурясь, пытаюсь прожечь в нём дыру взглядом.
— Ты знал о них?
— Вопрос повисает в воздухе, как бомба с выдернутой чекой.
— Он делает шаг вперёд. Один. Два. И вот он уже в нескольких сантиметрах от меня. Так близко, что я чувствую, как его дыхание нагревает

воздух между нами. В его глазах — насмешка и что-то ещё, что я отказываюсь распознавать.

— Что ты хочешь сказать, принцесса? — его голос понижается до полупшепта.

Кровь бросается мне в голову — я буквально чувствую, как заливается краской шея, уши, щёки.

— Перестань называть меня так. Или я начну называть тебя мудаком. Публично. При всех.

Он наклоняется ближе. Его губы — в нескольких миллиметрах от моего уха. Я слышу его дыхание — тёплое, прерывистое, и это вызывает во мне такую бурю, которую я готова задушить на корню.

— Ты можешь звать меня как хочешь, — шепчет он.

Блядь.

Краска стыда заливает моё лицо с такой силой, что кажется, сейчас из ушей пойдёт пар. Я упираюсь ладонями ему в грудь — чувствую под пальцами твёрдые мышцы, биение сердца, и это только разжигает во мне ярость. Отталкиваю назад.

— Да пошёл ты.

Он отступает на шаг, смеётся, проводит рукой по своим тёмным волосам — жестом, который я помню так хорошо. Это тот самый жест, который он сделал той ночью, когда раздевал меня взглядом.

— Нет, малышка, — его голос становится хриплым, почти мурлыкающим. — Я никуда не пойду. Не могу забыть твои стоны подо мной...

Звук его голоса — пронзительный, низкий, вязкий — эхом разносится по кабинету отца, усиливаясь в замкнутом пространстве. Слова падают на тёмный паркет, на полированные столы, на фотографии на стенах. Слова, ко-

которые не должны были прозвучать здесь. Никогда.

 То, что происходит дальше, не укладывается ни в один сценарий, который я писала для себя.

 Я просто делаю шаг вперёд.
 И бью его по щеке.

 Наотмашь. Со всей дури, на которую способна.

 Я не знаю, кто испугался больше — он или я. Потому что в следующую секунду я отдёргиваю руку, будто прикоснулась к оголённому проводу. В ужасе отступаю назад, впечатываясь спиной в книжный шкаф.

 Я никогда — слышите, никогда — не делала ничего подобного. За всю свою двадцатилетнюю жизнь. Я не била людей. Не повышала голос на родителей. Не устраивала сцен. Я была Маленькой Мисс Совершенство, чёрт возьми.

 И сейчас я потеряла контроль. На глазах у него.

 Громов подносит руку к щеке — там медленно расплывается красное пятно, отпечаток моей ладони. Он поднимает брови — сначала одну, потом вторую — и смотрит на меня так, будто видит впервые.

 — Да, милая, — говорит он тихо, почти спокойно. — Это я полный мудака.

 Я не верю своим ушам. Он признал это? Он, который никогда ни перед кем не извиняется?

 Но я не даю себе расслабиться. Я всё ещё зла. Всё ещё напугана. И мне нужно знать правду.

 — Ты знал о том, что наши родители хотят пожениться? — переспрашиваю я, чеканя каждое слово. — До того, как...?

 — До того, как ты написала мне и умоляла переспать с тобой? — заканчивает он за меня, и в его голосе снова про-

скальзывает насмешка.

 — Мне необязательно было просить, — отрезаю я, стискивая зубы так, что сводит челюсть. — Ты раздаёшь свой член как конфетку. Каждой, кто попросит.

 Он молчит секунду. А потом его губы растягиваются в медленной, опасной улыбке.

 — Конфетку, которую ты сосала.

 Я чувствую, как жар поднимается от груди к шее, от шеи к лицу. Я сейчас загорюсь. Реально. Превращусь в пепел от стыда и ярости.

 — Что, принцесса? — его взгляд падает на мои губы. Задерживается. — Ты хочешь сказать, что не помнишь?

 — Я даже не собираюсь отвечать на твой долбанный вопрос, — выдыхаю я, и мой голос дрожит, потому что я помню. О, как же я помню. Каждое прикосновение. Каждое движение. Каждое слово, которое он шептал мне в темноте. — Это было временное помешательство. То, что между нами было, — это ошибка.

 Самая большая ошибка в моей жизни. Которая теперь будет преследовать меня до гроба.

 — Не волнуйтесь, принцесса, — он подмигивает и продолжает с лёгкостью, от которой меня тошнит. — Наша маленькая грязная тайна в безопасности. Я уже это забыл. Ты всё равно мне не запомнилась.

 Удар под дых. Холодный, точный, жестокий.

 Я ошетиливаюсь, как кошка, которой наступили на хвост. Внутри всё закипает — я уже открываю рот, чтобы высказать ему всё, что я о нём думаю, чтобы разорвать его в клочья словами, если не получается руками...

 Но в этот момент за

его спиной распахивается дверь.

 Рома отступает в сторону, делая шаг назад, и я вижу их. Отец и Милана стоят на пороге. Молчат. Смотрят на нас.

 Моё сердце замирает, пропускает удар, а потом начинает колотиться с удвоенной силой.

 Они слышали?
 Сколько они стояли?
 Что именно они слышали?

 — Ты здесь? — отец хмурится, и в его голосе смесь облегчения и раздражения. — Я уж подумал, что ты ушла из дома.

 — Я уверена, что для них на сегодня слишком много новостей, — Милана говорит приторным, сладким голосом, который так не вяжется с ситуацией. Она кладёт руку на плечо отца — собственническим жестом, от которого у меня дёргается глаз. — Я думаю, вам нужно какое-то время, чтобы это принять.

 Принять.
 Конечно.
 Просто принять, что моя жизнь только что превратилась в мыльную оперу с низким рейтингом.

 Громов смеётся — резко, громко, безжалостно.

 — Да, верно. Я провёл здесь много времени с Маленькой Мисс Совершенство, — он проходит мимо них своей развязной походкой, и на его лице — заносчивая улыбка, которую так и хочется разбить.

 — Рома! — голос Миланы становится резче. — Не будь грубым.

 — Грубый? — он останавливается, поворачивает голову — только голову, даже не разворачиваясь. — Вы тут стоите и выслуживаетесь перед нами. Вам разве нужно наше мнение или одобрение? Не смешите.

 Морщина на лбу отца углубляется — вер-

ный признак того, что он на грани. Его голос становится ледяным, командирским:

— Я не потерплю...

Я вижу, как он сжимает челюсть. Думаю, он ещё не осознаёт, в кого ввязался. Отец привык, что любую проблему можно решить дисциплиной и физической подготовкой. Отжиманиями, спринтами, строевой ходьбой. Если бы Громову было одиннадцать — без вопросов, отец заставил бы его бегать до тех пор, пока он не перестанет дерзить.

Но Громову двадцать два. Он не мальчик. И он не боится.

Громов останавливается, медленно поворачивается и смотрит на отца в упор.

— Итак, давайте проясним кое-что прямо сейчас, — его голос спокойный, но в нём чувствуется сталь. — Если вы хотите выставлять напоказ свою собственную дочь перед камерами, как будто она какой-то свадебный трофей, — это между вами и ней. Но я не буду притворяться, что мы стали одной большой дружной семьёй.

Я задерживаю дыхание. Секунда. Другая. Третья.

Я жду реакции отца. Гнев у него вспыхивает редко, но когда это случается — лучше держаться подальше. Эвакуировать здание. Прятаться в подвал.

Но знаете что? Несмотря на моё тотальное, абсолютное, всепоглощающее отвращение к Громову, я чувствую маленький, крошечный, болезненный укол самодовольного удовлетворения. Он говорит с отцом так, как никто не смеет. Так, как я сама никогда не посмею.

Мне почти кажется, что он заступает за меня.

Но я знаю, что это

не так. Он заступается только за себя.

 — Рома, — голос Миланы дрожит, и я впервые вижу её такой — растерянной, почти жалкой. — Нам нужно поговорить об этом. Я знаю, что ты расстроен, но...

 Он перебивает её. Даже не смотрит в её сторону. Только на отца.

 — Ах, да. У мамы не самая лучшая репутация, — он ухмыляется, и в этой ухмылке столько горечи, что мне почти становится страшно. — Подумайте об этом.

 Он уходит. Не оглядывается. Через несколько секунд я слышу, как хлопает входная дверь — громко, на весь дом.

 Тишина.
 Гулкая, тяжёлая, давящая.

 Милана смотрит на меня, потом на отца. Её веки начинают часто-часто моргать — так делают люди, которые отчаянно пытаются не заплакать. Она выглядит такой потерянной, что мне становится почти жаль её.

 Почти.

 Мне неловко. Очень неловко. Я ломаю голову, пытаюсь придумать, что сказать, чтобы сделать ситуацию менее неудобной. Как будто это, блядь, возможно в принципе. Как будто есть слова, которые могут превратить этот цирк в нормальный разговор.

 Я прокашливаюсь.

 — Уверена... он просто расстроен, — мой голос звучит напряжённо, неестественно. — И всё будет хорошо.

 Почему я утешаю их? Двоих взрослых людей, которые только что обрушили на головы своих детей новость о свадьбе, как обухом по затылку, и ожидают, что мы будем прыгать от счастья?

 Ненавижу это признавать, но Громов прав. Чёрт бы его по-

брал.

 — Я в свою комнату, — бормочу я и протискиваюсь мимо них, не дожидаясь ответа. Поднимаюсь по лестнице — ступенька за ступенькой, как на эшафот.

 В спальне я закрываю за собой дверь, прислоняюсь к ней лбом, стою так несколько секунд, а потом просто плюхаюсь на кровать.

 Комната старинная, выдержанная в одном стиле со всем домом. Фотографии на стенах — каждый кадр выверен, каждый момент отобран вручную. Здесь нет места случайностям. Только самые яркие моменты моей жизни: дипломы, награды, достижения. Всё то, что отец считает важным.

 Я никогда не могла позволить себе разочаровать его.
 Я жила затворнической жизнью — дочь депутата, частная школа, лучший колледж страны. И работа, которая будет под стать.

 Скоро выборы мэра. Отец баллотируется. Будут встречи. Фотосессии. Пафосные приёмы. А теперь ещё и свадьба. И презентация новой «семьи».

 Я закрываю лицо руками, утыкаюсь в подушку и тихо скулю — как раненый зверёк, который забился в угол и не понимает, как так вышло.

 Как я оказалась здесь?
 Как я оказалась в этом доме, с этим будущим, с этим кошмаром?

 И почему человек, которого я ненавижу больше всех на свете, только что сказал вслух то, что я боялась признать даже себе?

Глава 4

РОМА
Я затягиваюсь, чувствую, как никотин
вливается в кровь, но чёрт возьми — это не помогает. Ни
капли. Меня колотит изнутри, и никакая сигарета не способ-
на загасить эту дрожь.
Вся эта херня выводит меня
из себя.
Я вышел на крыльцо, прислонился к пери-
лам и смотрю на идеально подстриженный газон, который,
наверное, поливает лично садовник три раза в день. Краси-
вый дом. Ухоженный. Правильный. Как и всё, что связано с
семейкой Логиновых.
Мне плевать на то, что про-
исходит у мамы с этим политиком. Серьёзно. Она была по-
молвлена не меньше пяти раз и трижды замужем. Это не в
первый раз, когда какой-то придурок в костюме и начищен-
ных туфлях заявляется в нашу жизнь и представляется моим
новым «отцом». Я через это проходил. Многократно. И каж-
дый раз это заканчивалось одинаково — скандалом, разво-
дом и мамиными слезами в бокале с шампанским.
Но сейчас всё иначе.
Я на взводе не из-за маминой
свадьбы. Мне плевать, за кого она выходит. Пусть хоть за
робота выходит, хоть за инопланетянина. Меня бесит друго-
е.
Я не могу выкинуть Катю из головы.
С той самой ночи. Она застряла в моём мозгу, как заноза,
которую невозможно вытащить. Я пытался. Серьёзно пытал-

ся. Трахал других — думал, поможет. Не помогло. Пил — думал, сотрёт. Не стёрло. Она всё равно там, в каком-то чёртовом уголке сознания, смотрит на меня своими огромными глазами и сжимает простыни.

Я думал, что больше никогда не столкнусь с ней. Закончили колледж — и разбежались. В Москву я не собирался. У меня свои дела, свой город, свой круг. Но мама практически похитила меня. Позвонила, закатила истерику, сказала, что это важно, что я обязан приехать. В итоге объявила, что она обручена и что я должен встретиться с её новым мужиком.

Единственная причина, по которой я вообще согласился сесть на этот долбанный рейс, — билеты были первого класса, и там подавали алкоголь. Я пил всю дорогу. Виски, джин, ещё что-то. Мне было плевать. Я просто сидел в кресле, делал вид, что меня не существует, и игнорировал маму, которая что-то щебетала рядом. Как я уже сказал, замужество мамы — для меня не новость. Очередной виток. Очередной дурак в костюме.

Так что представьте моё гребаное удивление, когда она наконец выдала имя счастливчика.

Я сидел в телефоне, листал какую-то ерунду, когда она сказала фамилию. Небрежно так, будто речь шла о погоде.

Логинов.

Я чуть не выронил телефон. Буквально — он выскользнул из пальцев, и я поймал его в последнюю секунду.

— Это депутат? Логинов Николай? — переспросил я, надеясь, что ослышался.

— Да. И ещё. У него есть дочь, с которой вы учились вме-

сте, — мама сидела напротив, нервно грызла ноготь и смотрела на меня так, будто ждала реакции.

Я хотел сказать ей, что она ведёт себя как подросток. Но промолчал.

— Это просто пиздец, — сказал я с максимально спокойным, почти скупающим видом, хотя внутри у меня всё переворачивалось. Я пытался быть беспечным перед ней. Не показывать, как колотится сердце. Как в голове проносится тысяча мыслей, и все они — о Кате. — Конечно, ничего страшного. Может, найти тебе мужика из моих друзей? Это больше в твоём стиле, не так ли? Я думал, ты больше по молоденьким, но теперь выбираешь депутатов?

Мама почти прошипела в ответ:

— Ты не испортишь мне свадьбу.

Я не отрывал глаз от телефона. Сделал вид, что пишу сообщение — просто чтобы не смотреть на неё. Чтобы не видеть этого её нервного, виноватого лица. Но на самом деле я никому не писал. Я просто смотрел в экран и думал об одном.

Это отец Кати.

А значит, мы направляемся к ней.

В её дом.

Маленькая мисс Совершенство. Правильная, чопорная, слишком хорошая для этого мира. Она почти никому не улыбается. Держится отстранённо, особенно с парнями. Как будто они все — прокажённые.

Кроме той ночи.

Я помню её в колледже. Я приставал к ней больше раз, чем могу сосчитать. Просто потому, что это было весело. Она очень сексуальная. И при этом совершенно неприкасаемая.

В универе была такая

игра среди парней — «Десяточка». Оценочные карточки со всеми красивыми девушками, каждая со своим «взрывным» рейтингом. Кто с кем переспал, сколько очков это принесло. Я не играл в это дерьмо. Следить за оценками на девчонок — тупо. Я и так трахал всех, кого хотел, без дурацких рейтингов.

Но Катя... Катя была джекпотом. Выигрышным билетом в этой игре. Потому что все знали — она не для всех. Ходили слухи, что ей вообще не нравятся парни. Она несколько месяцев встречалась с каким-то спортсменом-идиотом — возможно, единственным парнем в городе, который даже не пытался залезть к ней в штаны. Не потому, что был благородным, а потому, что хотел подлизаться к её отцу. Политический ход, а не отношения.

За последние два года у нас с Катей сложились свои отношения. Странные. Они в основном состояли из приставаний с моей стороны и оскорблений с её. Я подкалывал, она огрызалась. Я говорил какую-нибудь пошлость, она называла меня мудаком.

И мне это нравилось.

По-настоящему. Потому что она смотрела на меня с отвращением, а не пыталась запрыгнуть ко мне в постель.

Большинство девчонок вешались на меня ещё со школы. Катя была другой. Она никогда не хотела иметь со мной ничего общего. Считала меня грязной шлюхой — так она однажды сказала, и это было так точно, что я даже обиделся.

Этот факт заставлял меня уважать её. Как хорошего знатока характера. Потому что она была чертовски права.

Поэтому, когда я получил от неё сообщение, я был в полном ахуе.

 Текст был коротким. Без приветствий и дурацких смайликов. Просто: «Я хочу переспать с тобой».

 Я был уверен, что это шутка. Кто-то взял её телефон. Или она проиграла спор. Или это какая-то подстава с записью скрытой камерой. Потому что Логинова не могла написать такое. Логинова ненавидела меня. Логинова называла меня мудаком и закатывала глаза при виде меня.

 Но она пришла.

 Я помню этот вечер как сейчас. Она вошла в дверь отеля, и я увидел её — нервную, напряжённую, но с каким-то странным, почти вызывающим спокойствием на лице. Словно она приняла решение и шла до конца.

 На ней было чёрное платье с короткими рукавами, которое свисало ниже колен. Высоченные каблуки, которые делали её похожей на... маму из родительского комитета. И повязка на голове.

 Повязка, Карл.

 Какого чёрта молодая девушка носит повязку на голове? В двадцать первом веке?

 Я трахал моделей, актрис, светских львиц. Ко мне в постель прыгали девушки в нижнем белье за десять тысяч долларов, в платьях, открывающих всё, что можно и что нельзя. А эта — в платье размером с палатку и с тряпкой на голове.

 Но по какой-то причине это была самая сексуальная вещь, которую я когда-либо видел.

 Я смотрел на неё и в кои-то веки не мог выдавить из себя ничего остроумного. Язык прилип к нёбу. Но у моего члена, в отличие от мозга, было собствен-

ное мнение. Вся кровь покинула мою голову и устремилась вниз. Очевидно, я питаю слабость к девушкам, которые носят ободки и ультраконсервативные платья, не показывающие ни миллиметра тела.

Она подтолкнула меня к краю кровати — меня, представьте, взрослого мужика, которого толкает хрупкая девушка в повязке! — и сказала:

— Прежде чем я покину этот город, я хочу узнать, из-за чего весь этот шум.

И тут до меня дошло.

Правильные и консервативные девушки — самые дикие в спальне.

Это факт. Доказано жизнью.

И самое охрененное — я собирался переспать с самой неприкасаемой, самой подавленной девушкой в истории мира. Как будто выиграл в лотерею. Джекпот. Главный приз.

Когда я впервые коснулся её губ — это было как удар током. Я не могу описать, какая она на вкус. Что-то сладкое, что-то острое, что-то, от чего хочется больше. Она целовалась так, будто ненавидела меня. Будто одновременно хотела задушить и съесть. А потом отрывалась на секунду, смотрела своими огромными глазами — и снова кидалась в атаку.

Но когда дошло до самого интересного...

Она напряглась. Вся. Как струна. И посмотрела на меня глазами, полными такого ужаса, что у меня ёкнуло в груди.

У меня достаточно опыта, чтобы понять, что это значит.

Она была девственницей.

Я не заинтересован в том, чтобы лишать девственности. Это последнее, чего я хочу. Не потому, что я такой благородный.

Просто это слишком много ответственности. Слишком много эмоций. Слишком много всего, что я не умею и не хочу обрабатывать.

Но Катя настояла. Сама. Сказала, что всё в порядке. И я поверил. Потому что у меня стояло так, что мозги отключились.

Есть хороший секс. А есть секс, который остаётся с тобой. Въедается в память, меняет грёбанный химический баланс в мозгу, так что ты начинаешь жаждать этого, как дозы. Проникает под кожу, как зуд, который нельзя почесать.

Вот такой был секс с Катей.

А утром эта чопорная, правильная дочь депутата попыталась слинять из номера, как воровка.

Я проснулся от того, что услышал шорох. Большинство парней трахаются и сразу засыпают — сном праведника, довольные собой. Я не такой. Я обычно лежу, считаю минуты, необходимые для сохранения репутации, а потом выскальзываю из постели первым.

Но тут ушли от меня.

Она уже стояла у двери, взлохмаченная, с размазанной тушью вокруг глаз — и выглядела в десять раз сексуальнее, чем прошлой ночью.

— Спасибо, — сказала она и открыла дверь.

Спасибо?! Кто, чёрт возьми, говорит «спасибо» после секса?

Я не знал, что ответить. Мой мозг, который всегда находил слова, вдруг выдал ошибку 404. Я просто хрюкнул что-то нечленораздельное, повернулся на другой бок и сделал вид, что засыпаю.

Дверь закрылась.

И с тех пор я не мог выкинуть её из головы.

Я мог бы рассказать всем тупым парням

из универа, что трахнул саму Катю Логинову. Закончить игру, поставить жирную точку. Стать легендой.

Но я молчал.

«Трахай и уходи» — моя философия. И я никогда не возвращался. Но здесь я всё время думал о том, что мне нужно переспать с кем-то другим, чтобы стереть память о ней. Перебить один запах другим. Заменить образ.

Не помогло.

А теперь я здесь. В её доме. С ней — в двух метрах.

Единственная причина, по которой я вообще согласился приехать с мамой, — я просто не мог удержаться. У меня появилась эта извращённая потребность — увидеть лицо Кати, когда она меня увидит.

И оно того стоило.

Она злится. Смотрит на меня, как на врага народа. В её глазах — ненависть, растерянность и что-то ещё, что я не могу расшифровать.

Но я не могу перестать думать о том, чтобы переспать с ней ещё разок. Один. Всего один.

Я докуриваю вторую сигарету и тянусь за третьей — когда голос с тротуара заставляет меня поднять взгляд.

— Эй!

Какой-то мужик с сумкой через плечо, чёрт его дери, подносит камеру к лицу. Щёлкает. Вспышка режет глаза.

Я закуриваю новую сигарету, спокойно так, не торопясь, и показываю ему средний палец. Прямо в объектив. Пусть печатают. Пусть наслаждаются.

Я стою неподвижно, просто чтобы сбить его с толку. Делаю ещё одну затяжку. Медленно тушу бычок об идеально подстриженный газон, оставляя чёрное пятно.

После этого захожу

обратно в особняк.

 Внутри я уже принял решение. Не то чтобы у меня был выбор.

 Мама сделала мне предложение, от которого я не смог отказаться. Если я буду на время помолвки вести себя прилично и не буду мудаком — меня ждёт кругленькая сумма на счёт. На бизнес. На будущее. На всё, что я захочу.

 Но, честно говоря, деньги — это не главное.

 Как я могу сопротивляться такому предложению, если под боком будет Катя?

 Она сама ко мне придёт. Не сейчас, так потом. Этот дом маленький, а мы теперь — почти семья.

 Я ухмыляюсь своим мыслям.

 Принцесса, готовься. Я только начал.

Глава 5

КАТЯ
Я провожу пальцами вниз по его груди — медленно, едва касаясь. Круговыми движениями обвожу сосок, чувствую, как он твердеет под моей ладонью. Рома издаёт звук — животный, низкий, из самой глубины. Такой звук не придумашь. Его нельзя сыграть. Это первобытное, древнее, как будто он хищник, а я — добыча. За исключением того, что сейчас он лежит на спине, а я сижу на нём сверху. Я — наездница. Я контролирую движение.
Он внутри меня — и я наслаждаюсь каждым миллиметром. Его толщина наполняет меня целиком, растекается по телу теплом, пульсацией, чем-то таким, от чего темнеет в глазах. Я двигаюсь — плавно, ритмично, как волна, как маятник, как будто я делала это всю жизнь. Его руки скользят по моей талии, поднимаются выше к груди, и большие пальцы находят мои соски — твёрдые, чувствительные, почти болезненные от желания. Он играет с ними, и я выгибаюсь дугой, теряя ритм.
Его руки снова спускаются к талии и сжимают её крепче — почти до боли. Толчки становятся короче, чаще, отрывистее. Он внутри меня — и снаружи, везде, всюду, я не чувствую границ своего тела.
— Катя, — выдыхает он, и голос его ломается, — Я сейчас, блять, кончу.
Я уже на краю. Так близко, что воздух застревает в лёгких. Ещё секунда — и я полечу, разобьюсь,

растворюсь...

 Резко выпрямляюсь в постели.

 Сердце колотится где-то в горле. Стук в груди отзывается пульсацией там, внизу, между ног, и мои соски твёрдые — как никогда. Я чувствую влажность простыни под собой и жар, разливающийся по животу.

 Что за чёрт?

 Это был просто сон. Всего лишь сон.

 Серебряный утренний солнечный свет струится через высокое окно спальни, падает на старинный паркет, на тяжёлые шторы, на мои разметавшиеся волосы. Я не могу поверить, что проспала всю ночь. Последнее, что я помню, — как положила голову на подушку, чтобы просто подождать отца. Дождалась. Уснула. Теперь утро.

 Стыдливо, будто кто-то может увидеть мои мысли, я соскальзываю с кровати и на ватных ногах иду по коридору в ванную.

 Снимаю футболку через голову и вздрагиваю — спина мокрая. Я вся мокрая. Вот это я вспотела... Бросаю футболку на пол, стягиваю джинсы и остаюсь в одном белье — хлопковом, обычном, совершенно несексуальном.

 Где здесь зубная щётка? В этом доме я бываю так редко, что даже не помню расположения вещей.

 Я открываю шкафчик над раковиной и начинаю рыться в поисках нужного предмета.

 Прохладный поток воздуха обрушивается на меня ещё до того, как мои уши успевают уловить звук открывающейся двери. Я вздрагиваю всем телом, словно меня ударили током.

 — Прикольные трусики.

 Голос — низкий, с хрипотцой, насмешливый. Я не оборачиваюсь, но

и так знаю, кто это.

 Я медленно поворачиваюсь и вижу его — Громова в дверном проёме. Волосы торчат во все стороны, глаза заспанные, и он без рубашки. Только серые хлопковые пижамные штаны, сидящие низко на бёдрах. Ткань настолько тонкая, что не скрывает ничего — облепляет каждую выпуклость, подчёркивает каждую линию. То, как он выглядит, просто кричит о сексе. Особенно учитывая тот факт, что у него стояк.

 Чёткий, большой, очевидный.

 И я не могу отвести взгляд. Смотрю. И смотрю. И снова смотрю.

 Громов замечает мои глаза. Ухмыляется — медленно, нагло, самодовольно.

 — Тебе нравится? — спрашивает он, и в голосе — жирная такая, масляная интонация, от которой хочется то ли убить его, то ли... неважно. — Ты можешь попробовать его ещё раз, если хочешь. Я не против.

 — Ты дурак? — шиплю я сквозь зубы, чувствуя, как кровь приливает к щекам. — Ты в моей ванной. И дверь настежь открыта.

 Только в этот момент до меня доходит, что я стою перед ним в одном нижнем белье — хлопковом, с рисунком маленьких цветочков, таком невинном, что становится ещё хуже.

 Я прикрываю грудь рукой и тянусь к куче одежды на полу.

 Он не ждёт. Не делает вид, что ему неловко. Наоборот — заходит внутрь ванной, закрывает за собой дверь и прислоняется к ней спиной.

 — Так лучше? — спрашивает с таким видом, будто оказал мне услугу.

 — Это не было приглашением! — шиплю

я грубо, почти по слогам. — Ты нормальный? Убирайся отсюда!

 — Ты только что жаловалась, что дверь открыта, — Рома смеётся. — Я бы не хотел, чтобы кто-нибудь увидел, как ты пялишься на мой член.

 — Ты точно дебил, — говорю я, стиснув зубы так, что челюсть сводит. — Отвернись, я оденусь.

 Я почти удивляюсь, когда он реально это делает — медленно, с явной неохотой, но отворачивается. Пользуясь моментом, я с трудом засовываю ноги обратно в джинсы — молния не слушается, руки дрожат.

 — Ты уверена, что хочешь надеть их? — доносится его голос со стороны двери. Он не смотрит, но продолжает говорить. — Просто, эти трусики не совсем... откровенны. В прошлый раз на тебе было кружево.

 Я содрогаюсь от того, что он запомнил. Что он видел меня тогда. Что он сравнивает.

 — Я думала, мы договорились никогда не вспоминать этот инцидент, — цежу я, застёгивая пуговицу на джинсах. — Почему ты всё ещё здесь? Я сказала тебе уйти.

 — Инцидент? — он поворачивается, и его бровь насмешливо изгибается. — Это так теперь называется?

 Я пользуюсь случаем. Пока он смотрит мне в лицо — или притворяется, что смотрит, — я задерживаю взгляд на его спине. Он стоит ко мне боком, и я вижу, как играют мышцы под кожей. От плеч вниз — чёткий рельеф, поджарое, подтянутое тело, без капли жира. V-образная форма спины сужается к талии, скрытой серой тканью штанов. А ниже — его задница. Идеальная, круглая,

упругая.

 Я помню, как сжимала её в своих ладонях той ночью. Как она чувствовалась под моими пальцами.

 Громов оборачивается. И подлавливает меня. Я чувствую, как моё лицо вспыхивает — красное, пунцовое, виноватое. А он просто смотрит и бросает этот свой самодовольный взгляд.

 У него всё ещё стоит. Всё ещё очевидно, нагло, не скрыто. И мне становится интересно — это нормально? Вести диалог с такой эрекцией? Может, с ним что-то не так? Может, это болезнь какая-то?

 — Ты понял, что я имела в виду... тебе нужно выйти отсюда, — я указываю на его штаны. На выпуклость, которую невозможно игнорировать. — Это очевидно же. Ты собираешься что-то с этим делать?

 — Ты хочешь помочь мне, принцесса? — спрашивает он, и голос становится ниже, хриплее. В нём появляется та самая нотка — опасная, приглашающая, развратная.

 — Ага, — отвечаю я с максимальной извительностью, на которую способна. — Почему ты такой извращенец?

 — Как мило, — Рома отворачивается от меня, направляется к унитазу и говорит через плечо, — Ты думаешь, это потому, что я считаю тебя сексуальной? Хм... это утренний стояк, принцесса. Ничего личного.

 — Боже мой, ты собираешься отлить здесь? Прямо передо мной? — мой голос подсакивает на две октавы.

 — Я пришёл сюда, чтобы отлить, — он говорит это таким тоном, будто объясняет прописную истину ребёнку. — И, поскольку ты настаиваешь на том, чтобы поболтать, вме-

сто того чтобы выйти из ванной... это твоё право.

 Его большой палец зацепляется за пояс штанов. Он тянет ткань вниз и смотрит на меня.

 — Хочешь остаться и посмотреть?

 — Ты самый наглый и беспринципный человек, которого я когда-либо встречала, — выдыхаю я, чувствуя, как внутри всё кипит от ярости и... чего-то ещё, чего я отказываюсь признавать.

 — Дай мне время, принцесса, — он сбрасывает штаны, и я вижу его член — сбоку, в профиль. Большой, твёрдый, совершенно беззастенчивый. Я не могу поверить, что он только что разделся, как будто меня здесь нет. — Ты ещё ничего не видела. А я буду здесь всё лето.

 Всё лето.

 Я не знаю, угроза это или намёк. И знать не хочу.

 Даже не пытаюсь скрыть своё раздражение, я выхожу из ванной и с силой захлопываю за собой дверь — наверное, слишком громко, потому что в коридоре отдаётся эхо.

 Возвращаюсь в свою комнату, падаю на кровать и смотрю в потолок. Решение приходит мгновенно — держаться от него подальше. Он грубая свинья, которая явно просто пытается вывести меня из себя. И это работает. Оно работает, чёрт возьми.

 Он только что сказал, что я застряну с ним на всё лето?

 Я знала, что меня отправят в загородный дом — традиция, летняя резиденция, куда отец уезжает от городской суеты. Но если Громов будет там? Если он будет рядом каждое утро, каждый вечер, каждый чёртов день?

 Мысленно я уже составляю список вещей, кото-

рые нужно сделать, чтобы выжить. Держаться на расстоянии. Не оставаться наедине. И главное — не думать о том, что я только что видела. И о том, что у меня до сих пор пульсирует между ног.

Когда я слышу, что вода в ванной перестала течь, то проскальзываю обратно, быстро делаю всё необходимое — чищу зубы, умываюсь ледяной водой, надеюсь, что это смое жар со щёк — и спускаюсь вниз, на кухню.

Кофе. Мне нужен кофе. И план побега. И, возможно, экзорцист, чтобы изгнать из головы образ полуголого Громова с его утренним стояком и этой дурацкой ухмылкой.

Глава 6

КАТЯ
— Доброе утро, Катюш, — голос Миланы звучит мягко, почти вкрадчиво, когда я появляюсь на пороге кухни. Она сидит за столом с идеальной осанкой, будто позирует для скрытой камеры. — Тебе хорошо спалось?
Я краснею. Мгновенно, как термометр в кипятке. Потому что в голове — этот сон. Или кошмар? Я до сих пор не решила, как это называть. Хорошо ли я спала? Интересно, смогу ли я вообще когда-нибудь снова нормально уснуть без того, чтобы моя собственная психика не устраивала мне порносеанс?
Даже если у него самое офигенное тело, которое я когда-либо видела — и я видела, чёрт возьми, видела сегодня утром, — он вне пределов. Неприкасаемый. Табу.
И не только потому, что он мой новый сводный брат — это само по себе достаточно отвратительно. А потому что это Громов. Рома Громов. Он грубый, дикий, невоспитанный, и самый распутный парень, которого я встречала в своей жизни. У него репутация похлеще, чем у портовой шлюхи, и он этим гордится.
Я прочищаю горло и выдавливаю из себя вежливое:
— Я отлично выспалась.
Милана кивает и отпивает из стакана что-то густое, зелёное, напоминающее болотную жижу. Сейчас семь часов утра. Она сидит без макияжа, в штанах для йоги и простой майке, которая открывает идеально плоский,

подтянутый живот. Она выглядит так, будто только что сошла с обложки журнала «Здоровый образ жизни».

Я стою напротив неё в джинсах, которые тесноваты в талии, и внезапно вспоминаю, что несколько недель назад набрала три килограмма. Три. Я чувствую их сейчас всей кожей.

— Я сказала Колечке, что лучше не беспокоить тебя прошлым вечером, — Милана ставит стакан и смотрит на меня с такой мягкой, почти материнской заботой, от которой мне становится не по себе. — То, как вы узнали о помолвке, было... ну, внезапным событием для вас.

Внезапным? Это мягко сказано. Это всё равно что назвать цунами «небольшим дождиком».

Я киваю, не вдаваясь в подробности. Мне не хочется обсуждать с ней свою реакцию. Или вообще что-либо обсуждать.

— Мой отец дома?

— Он вышел на пробежку, — Милана улыбается, и в её голосе появляется что-то горделивое. — Колечка готовится к марафону.

Колечка. Она называет моего отца Колечкой.

Я не помню, чтобы мой папа вообще когда-либо занимался бегом. Последний раз я видела его в кроссовках, когда мне было двенадцать, и он пытался поймать такси.

— А кофе где находится? — спрашиваю я, оглядывая кухню в поисках привычной кофеварки.

— Твой отец больше не пьёт кофеин, — Милана произносит это так, будто речь идёт об отказе от героина. — Но на кухне есть альтернатива на травах. Он намного полезнее для тебя и обладает очищающим эффекто-

м.

 Я поворачиваюсь к ней медленно, очень медленно. Мой мозг, лишённый кофеина, отказывается обрабатывать поступающую информацию.

 — Значит, в доме нет кофе, — говорю я. Это даже не вопрос. Это констатация факта. Чудовищного, нечеловеческого факта.

 Милана смотрит на меня, и её лицо становится таким потерянным, что мне почти становится жаль её. Почти.

 — Блин. Я совсем не подумала. Надо было оставить немного.

 — Всё в порядке, — я поворачиваюсь и прислоняюсь к кухонной стойке, скрещивая руки на груди. — Схожу в кафе. Здесь недалеко.

 Она выглядит расстроенной. По-настоящему. Как будто провалила какой-то важный тест на звание «хорошей мачехи». У меня нет ни сил, ни желания её успокаивать.

 — Тебе что-нибудь купить? — спрашиваю я, уже берясь за дверную ручку. — Булочку или круассан?

 Милана морщит нос — буквально морщит! — будто я предложила ей поделиться чумой. Или жиром. Что, в общем-то, одно и то же в её мире.

 — Нет, спасибо.

 Я поднимаюсь в комнату за сумочкой, натягиваю первые попавшиеся босоножки и выхожу из дома.

 Свежий утренний воздух должен был бы меня успокоить, но нет. Я всё ещё чувствую себя так, будто меня перемололо в мясорубке, а потом собрали обратно, но перепутали детали.

 — Ты ко мне?

 Я поднимаю взгляд и вижу его. Громов стоит на углу дома, прислонившись плечом к стене, и небреж-

но выпускает кольца дыма в мою сторону. На нём те же серые штаны и какая-то старая футболка, которую он, кажется, натянул на голое тело. Волосы всё ещё влажные после душа.

— Конечно, нет, — отвечаю я раздражённо, даже не сбавляя шаг. — В доме нет кофе.

Ромма понимающе усмехается — эта его кривая, самодовольная ухмылка, от которой хочется его придушить.

— О да, — смеётся он. — Мама пыталась напоить тебя своим напитком?

— Ты имеешь в виду ту зелёную гадость, которую она пьёт? — я останавливаюсь на безопасном расстоянии. — Что это вообще за штука? Она пахнет рыбой.

Громов фыркает — громко, по-мальчишески.

— Это похоже на водоросли. Как молочный коктейль из аквариума.

— Так что это?

Он опять смеётся, и в его смехе столько лёгкости, будто мы старые друзья, а не два человека, которые только что узнали, что станут сводными братом и сестрой.

— Этот напиток заставит тебя не слезать с толчка, — говорит он. — Не пей его. Впрочем, — делает паузу и смотрит на меня с прищуром, — может, это заставит тебя быть послушной.

— Серьёзно? — я чувствую, как внутри закипает привычное раздражение. — Я знала, что ты не можешь прожить и двух минут, не будучи придурком.

Я разворачиваюсь и иду дальше, но уже через несколько шагов слышу его голос:

— Что?

Окликает меня. Снова.

— Что? — переспрашиваю я, оборачиваясь, и

мой голос срывается на более высокие ноты, чем мне хотелось бы.

 — Вот о чём я и говорю, принцесса, — он смотрит на меня из-под полуопущенных век, и его губы растягиваются в медленной улыбке. — Тебе нужно иметь офигенное чувство юмора.

 — Всенепременно, — отрезаю я и снова разворачиваюсь, чтобы уйти.

 — Кать.

 Я замираю. Он впервые назвал меня так. Не «принцесса», не «малышка» — а по имени. Кать. Почему это звучит так странно из его уст?

 Я медленно поворачиваюсь.

 — Что?

 Он держит в руке стаканчик с кофе — бумажный, белый, с коричневой крышечкой — и протягивает его мне.

 Я удивлена. Настолько, что, кажется, у меня на лице написано всё. Но я стараюсь не подавать виду. Подхожу к нему, беру стаканчик. Горячо. Горький запах ударяет в нос — боже, это самый прекрасный запах в мире.

 Рома поворачивает голову и выпускает в мою сторону струйку дыма — прямо в лицо, нагло, демонстративно.

 — Это отвратительная привычка, — фыркаю я, отмахиваясь от дыма. — Ты заболеешь раком.

 — Я даю тебе кофе, — его голос звучит с притворным возмущением, — а ты читаешь мне лекции о привычках? Это пиздец какие плохие манеры.

 Я делаю глоток. Горячо, горько, идеально. Чёрный американо. Как я люблю. Откуда он знает, как я люблю?

 Не спрашиваю. Не хочу знать.

 Взгляд падает на пустой стаканчик у его ног — второй за утро, судя по всему.

Потом на сигарету в его пальцах. — Так ты здесь, в основном, употребляешь кофеин и никотин? — спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал максимально нейтрально. — Сегодня — да, — Рома смотрит на меня неподвижным, немигающим взглядом. А потом добавляет, понижая голос: — Но лучше бы утренний секс, чтобы взбодриться. — Что ж, — я делаю ещё один глоток кофе и смотрю на него поверх стаканчика. — Тогда хорошо, что у тебя есть кофе и сигареты. Громов пожимает плечами — широко, лениво, с оттенком сожаления, которое должно быть притворным, но выглядит пугающе искренним. — Дай мне знать, если передумаешь, принцесса. Я буду готов через пять секунд. Он докуривает сигарету — последнюю, судя по тому, как он с хрустом затаптывает окурки о каменную плитку крыльца — и вдруг поднимает средний палец куда-то в сторону улицы. Я прослеживаю за его взглядом. За небольшим передним двориком, у тротуара, стоит парень. Я вижу только его голову — капюшон, бледное лицо, объектив камеры, направленный в нашу сторону. — Как долго этот мужик там находится? — спрашиваю я, поворачиваясь спиной к Громову, чтобы случайно не попасть в кадр. — Достаточно, — Рома пожимает плечами с абсолютно безразличным видом. — Он там был со вчера. — Зачем ты ему показываешь фак? — Расслабься, — говорит он, и в голосе проскальзывает скука. — Они вечно лезут,

куда не надо.

 — Мне плевать, что он тебя фоткает, — отрезаю я, и голос становится резче, чем я планировала. — Просто я рядом. У моего отца как раз на носу выборы, и я думаю, это не то, что ему сейчас нужно.

 — Остынь, принцесса, — Рома усмехается, и эта усмешка действует мне на нервы как наждак. — Он сделает несколько наших фотографий и уйдёт. Мы ему не так интересны... ему нужны наши родители.

 — Конечно не интересны, придурок, — я разворачиваюсь к нему лицом, упираю руки в бока и чувствую себя школьной учительницей, которая отчитывает нашкодившего ученика. Но ничего не могу с собой поделать. — Парень, который живёт на деньги своей знаменитой мамы, — да кому ты можешь быть интересным?

 Я ожидаю, что он взорвётся. Или огрызнётся. Или сделает что-то предсказуемое.

 Громов смотрит на меня с каменным лицом. Ни одна мышца не дрогнула. А потом он медленно затягивается — глубоко, демонстративно — и выпускает гигантский столб дыма мне прямо в лицо.

 Я кашляю. Машу руками, пытаюсь разогнать этот вонючий туман. Чувствую, как давление подсакивает до небес. Сердце колотится где-то в горле. Это акт агрессии. Открытый, наглый, ничем не прикрытый.

 — Да? — Громов наклоняется вперёд, сокращая расстояние между нами до опасного минимума. Его средний палец поднимается прямо перед моим лицом — не касается, но висит в сантиметре от носа. — Ты — девочка-паинька. Заносчи-

вая, занудная девственница, которая так взвинчена, что не может найти никого, кто бы воспользовался ей. Кроме меня, который трахает буквально любую.

Он делает паузу. Смотрит мне в глаза. И добивает: — А потом оказывается, что это был самый скучный секс в моей жизни.

Я издаю звук — не то рык, не то стон, не то вопль ярости. Внутри всё закипает, как лава. Я хочу разорвать его. Сжечь. Испепелить взглядом.

Но он только смеётся. Смеётся, и это злит меня ещё больше.

— Что ты собираешься делать, принцесса? — он наклоняется ещё ближе, его средний палец всё ещё болтается перед моим лицом. — А?

Он меня так разозлил, что я не могу думать. Мысли отключились. Осталась только слепая, животная, первобытная злость.

Я просто наклоняюсь вперёд и тоже показываю ему средний палец. Прямо в лицо. В упор.

Мы стоим напротив друг друга, прижав пальцы — палец к пальцу — как два идиота на дуэли. Как персонажи дешёвого комикса. Я смотрю в его наглые голубые глаза, он смотрит в мои, и между нами пробегают что-то — искра? молния? предвестие катастрофы?

А затем Громов улыбается.

Медленно. Широко. Во весь рот.

— Это будут классные фото, — говорит он.

Пиздец.

Только это слово крутится в моей голове, пока до меня доходит, что папарацци за забором только что заснял, как будущие сводные брат и сестра показывают друг другу средние пальцы на крыльце депу-

татского особняка.

Если эта фотография попадёт в газеты — отец меня убьёт. И Громова прикопает рядом.

Но почему-то, глядя на его довольную рожу, я не могу сдержать улыбку. Не хочу. Пусть видит. Пусть знает, что я — не только «Маленькая Мисс Совершенство».

Иногда я тоже могу быть той ещё сукой.

Глава 7

РОМА
Логинов швыряет газету на стол с такой силой, что дерево, кажется, трещит под ударом. Я смотрю на первую страницу, и внутри меня что-то дёргается — не то смех, не то удовлетворение.
Фотография.
Мы с Катей стоим друг напротив друга на крыльце её дома. Наши глаза прищурены, губы искривлены в гримасах, и наши средние пальцы почти соприкасаются — замерли в миллиметре друг от друга, как два ковбоя на дуэли перед выстрелом. Заголовок жирными буквами кричит с полосы:
«КАКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ДЕТЬМИ ГРОМОВОЙ И ЛОГИНОВА???»
Три вопросительных знака. Для драматизма.
Катя стоит напротив меня, и её лицо белое как мел. Буквально — ни кровинки. Она пляшет на газету, будто замороженная, как кролик перед удавом. У меня возникает импульс достать телефон и сфотографировать её реакцию — это было бы эпично. Но я думаю, что это перебор. Даже для меня.
Лицо её отца — прямая противоположность. Оно почти фиолетовое. Такой багровый оттенок бывает либо при гипертоническом кризе, либо когда человек вот-вот лопнет от ярости. Логинов балансирует на грани.
— Очень классное фото получилось, — говорю я, лениво растягивая слова, и чувствую, как мама сверлит меня взглядом. — По крайней ме-

ре, я себе нравлюсь. А вот Катя подкачала.

 Я лгу. На самом деле на фото она выглядит дико — зубы оскалены, глаза горят, в каждой линии тела вызов. Меня это не должно так возбуждать. Серьёзно, не должно. Но клянусь, когда я смотрю на это фото, я чувствую, как в штанах становится тесно.

 Вероятно, это не лучшая ситуация, чтобы демонстрировать эрекцию на дочку этого придурка. Я делаю мысленную пометку: «Рома, держи себя в руках. Буквально».

 Мама смотрит на меня, и в её взгляде — злость. Не удивление. Злость.

 — Рома! — предупреждает она, и её голос звенит как натянутая струна.

 — О чём, чёрт возьми, вы двое думали? — Логинов ударяет кулаком по столу — с такой силой, что бумага подпрыгивает в воздухе, а моя забытая чашка с кофе жалобно звенит.

 Я смотрю на Катю. Она по-прежнему не смотрит на меня. Её взгляд приклеен к газете, как будто она надеется, что та исчезнет под действием силы воли.

 — Коль... — мама делает шаг вперёд, протягивает руку, но он даже не смотрит в её сторону.

 — Всё не так плохо, как кажется, пап, — голос Кати звучит мягко, почти ласково. Но я слышу в нём сталь. Она дрожит, но не ломается.

 — Не так плохо, как кажется? — он снова сжимает кулак, и его лицо становится ещё багровее. Ему правда нужно заняться собой. Может, медитировать. Или покурить травки. Потому что сейчас он — ходячий кусок нервов, который взорвётся при малейшей искре. — Скажите

мне! По-вашему, так должна выглядеть дочь будущего мэра на первой полосе газеты? Указывая средним пальцем на сына моей будущей жены?

 Я молчу. Мысленно хвалю себя за превосходный акт самоконтроля. Потому что вертится на языке кое-что поинтереснее. Например, что было бы лучше, если бы в заголовке написали, что мы трахались? Это бы действительно подняло рейтинги продаж.

 Но я не говорю. Я вообще сейчас ангел. Почти.

 Катя удивляет меня. Она вдруг выпрямляется, и в её голосе появляется что-то почти насмешливое.

 — Я имею в виду, ничего страшного, так как это не первая полоса. Это просто небольшая заметка...

 Я пытаюсь сдерживать смех. Правда пытаюсь. Но он вырывается — короткий, резкий, похожий на лай. Не смех даже, а всхлип неверия.

 Логинов переводит на меня свой тяжёлый взгляд.

 — Думаешь, это смешно? — спрашивает он, и в его голосе — столько холода, что мог бы консервы замораживать.

 Я закатываю глаза. Потому что серьёзно?

 — Это всего лишь статья в газете, — говорю я. — Это не конец света.

 Он делает шаг ко мне. А потом ещё один. И ещё. И вот он уже вплотную, я чувствую запах его одеколона — дорогого, резкого, старомодного. Его рука хватается меня за воротник рубашки.

 И тут я начинаю злиться.

 Руки прочь. Это моё правило. Не трогайте меня, если не хотите потерять пальцы.

 — Не конец света? — он прищуривается, его лицо в

нескольких сантиметрах от моего. — Ты, заносчивый засранец. Твоя мать позволяет тебе очень многое. Ты тратишь её деньги...

Я грубо отталкиваю его руки. Резко. Так, что он делает шаг назад.

— Ты хочешь поговорить об этом? — цежу я сквозь зубы, и в моём голосе столько отвращения, что воздух вокруг, кажется, скисает.

— Прекратите!

Это Катя. Она кричит на нас. На отца. На меня. На всю эту ситуацию.

Звук её голоса — пронзительный, звонкий — настолько поразителен, что Логинов замирает. Смотрит на неё с открытым ртом. Я думал, у него челюсть отвалится.

— Что ты только что сказала? — переспрашивает он, и в его голосе — растерянность. Он не привык, чтобы с ним так разговаривали. Особенно его идеальная доченька.

— Я думаю, нам всем здесь нужно успокоиться, — мама говорит из дальнего конца стола, и её голос звучит так, будто она уговаривает капризных детей в песочнице. — Коля, он не твой ребёнок. Он мой сын, и я буду благодарна, если ты не...

— Не надо, Мила, — я поднимаю ладонь, останавливая её. Не хочу, чтобы она за меня воевала. Тем более так.

— Я не хочу слышать, как ты называешь свою мать по имени, как будто она одна из твоих друзей, — бубнит Логинов, и его тон такой нравоучительный, что меня передёргивает.

— Тогда хорошо, что у тебя нет права голоса в этом вопросе, не так ли? — я смотрю на него сверху вниз. Я выше. И мне плевать на его авторитет.

— Коля! — мама повы-

шает голос. — Я сказала, что это мой ребёнок. У нас с Ромой такие отношения. И ты не в праве вмешиваться и менять это.

 — Твой ребёнок уже взрослый, — Логинов говорит громче, почти срываясь на крик. — Не ребёнок. И пора начать относиться к нему как к взрослому. Вы оба взрослые и...

 Катя снова кричит.

 На этот раз она закрывает уши руками — ладонями, как ребёнок, который не хочет слышать, как ссорятся родители. Её лицо искажено.

 — Господи, да прекратите уже этот балаган! — кричит она, и в её голосе — боль. Настоящая, живая боль, от которой у меня что-то сжимается в груди.

 — Екатерина, — голос Логинова становится холодным, как лёд в Антарктиде. — Ты не будешь произносить имя Господа напрасно в этом доме.

 В этом доме. В котором он живёт с новой женщиной, а умершую жену даже не поминает. Ирония, блядь.

 — Я просто не могу слушать больше ни секунды этого спора! — её голос срывается на фальцет, она почти плачет, но держится. — Да, мы с Ромой подставили друг друга. Да, это написано в газете. Да, это проблема перед выборами. Мне жаль, что о вашей помолвке было объявлено таким образом. Но ты не думал, что, может быть, тебе следовало предупредить меня раньше, что ты снова женишься?

 Отец смотрит на неё. В его глазах — что-то вроде шока. Как будто его дочь только что ударила его его же оружием.

 Я отступаю назад, скрещиваю руки на груди и даже не пытаюсь скрыть улыбку. Она распол-

зается по моему лицу, как масло по сковороде. Я не думал, что в папиной дочке такое есть. Серьёзно. Я не ожидал. Она отчитывает его. При мне. При маме. И он — этот важный депутат, который только что хватался за мой воротник, — он не знает, что ответить.

— Я думал, что ты захочешь услышать это от нас двоих и в домашней атмосфере... — начинает он, и в его голосе появляются обороняющиеся нотки.

— Да, пап, — Катя кривит губы в подобии улыбки, но в ней нет тепла. — Я уверена, что именно так везде советуют делать во всех книгах по воспитанию.

Сарказм. У неё есть сарказм. Я почти горжусь.

— Я принял решение, которое, как мне казалось, было наиболее подходящим... — Ты держал эти отношения в секрете! — она срывается на крик, и в этом крике — всё, что она копила годами. Все невысказанные слова. Вся боль. — Ты понимаешь, как ты себя ведёшь? Ты собирался врезать Роме посреди кухни! Ты не видишь здесь иронии? Мама возненавидела бы тебя за такие поступки, и ты это знаешь.

Мама.

При упоминании её матери воздух высасывается из комнаты. Физически. Становится трудно дышать. Цвет стекает с лица Логинова, как вода из опрокинутого кувшина. Он бледнеет так быстро, что я почти вижу, как кровь отливает от его щёк.

Но Катя не останавливается.

Она уже набрала скорость, её голос звенит, как натянутый трос, который вот-вот лопнет.

— Ты привёл их... — она не смотрит на меня, просто указывает

рукой в мою сторону и в сторону мамы, словно мы экспонаты в музее ужасов. — К нам домой! К ней домой.

 — Она мертва! — Логинов взрывается. Его голос гремит, как гром. — Твоя мать мертва уже четыре года!

 Тишина.

 Мёртвая, звенящая тишина.

 Катя смотрит на отца. Её глаза блестят — кажется, ещё секунда, и слёзы польются. Но она держится. Она сглатывает, поджимает губы и говорит почти шёпотом:

 — Я не хочу об этом говорить.

 Она проходит мимо меня. Даже не взглянув. Даже не повернув головы. Просто идёт к выходу, и её шаги по паркету звучат как удары метронома, отсчитывающие последние секунды чего-то, что уже умерло.

 Я стою на месте минуту. Может, больше. Тишина в комнате становится осязаемой — тяжёлой, липкой, как патока.

 Логинов наклоняется над столом. Обе ладони вытянуты, пальцы упираются в полированную поверхность. Голова опущена. Он похож на человека, которого только что переехал поезд.

 И я чувствую странную вещь. То, чего не должен чувствовать по отношению к дочери этого мудака.

 Мне жаль Катю.

 По-настоящему. Не так, как жалеют прохожих на улице. А так, как будто что-то внутри переворачивается и просится наружу.

 Мама смотрит на меня. В её глазах — боль. Боль за меня? За Катю? За эту ситуацию? Я не знаю. И не хочу знать.

 — Рома... — начинает она.

 Я прерываю её, прежде чем она успевает сказать ещё хоть слово. Потому что

если она скажет сейчас что-то правильное, взрослое, разумное — я, кажется, взорвусь.

 — К чёрту это дерьмо, — говорю я, и в моём голосе — брезгливость, но она прикрывает что-то другое. Что-то, что я не хочу в себе признавать. — Я ухожу.

 Я разворачиваюсь и выхожу из кухни, не оглядываясь. Не хочу видеть их лица. Не хочу думать о том, что только что произошло.

 На крыльце я достаю сигареты и закурываю трясущимися пальцами.

 Впервые за долгое время мои руки дрожат.

 Я затягиваюсь глубоко, смотрю на газету, которую кто-то оставил на ступеньках. На первой странице — мы с Катей. Два идиота, показывающие друг другу средние пальцы. И подпись: «Какие отношения между детьми Громовой и Логинова?»

 Какие отношения, блядь?

 Я не знаю. Сам не знаю.

 Но я хочу это выяснить. Даже если это меня уничтожит.

Глава 8

РОМА
Я поднимаюсь по лестнице в спальню, но, честно говоря, мои мысли не здесь. Я думаю о ней. Ушла ли Катя? Сбежала ли в свою комнату, чтобы там развалиться на куски? Или она сейчас стоит у окна, смотрит на этот дурацкий идеальный газон и ненавидит весь мир?
Захожу к себе, хватаю пачку сигарет с тумбочки и собираюсь выйти обратно в коридор, когда замечаю её дверь. Приоткрыта. Совсем немного. Тонкая полоска света падает на половицы, и я замираю.
Стою там несколько секунд, как идиот, решая — хочу ли я что-то сказать? Нужно ли? Имею ли я право?
А потом дверь распахивается.
Она смотрит на меня с удивлением — таким искренним, что я почти чувствую себя виноватым. Почти.
Катя громко вздыхает, качает головой, и в этом жесте — вся усталость, которую она накопила за последние сутки.
— Серьёзно? — её голос звучит устало, раздражённо, обречённо. — Громов, мне не нужна твоя чушь прямо сейчас. Я не в настроении. Я ухожу.
— Хочешь, составлю компанию?
Слова вылетают раньше, чем я успеваю их обдумать. И я сам удивляюсь себе.
Её идеальная бровь приподнимается — так высоко, что, кажется, может улететь в стратосферу.
— Ты, блядь, шутишь?
— Нет... Правда, —

я поднимаю руки в жесте капитуляции и чувствую себя идиотом. Потому что я правда не шучу. В ней есть что-то такое, что выводит меня из себя. Переключает какие-то рычаги, о существовании которых я не подозревал.

— Ты хочешь, чтобы мы сблизились по-братски? — она произносит это с такой иронией, что можно резать ножом.

— Я просто хочу выбраться отсюда, — отвечаю уклончиво. Не вру, но и не говорю всей правды.

Катя смотрит на меня несколько секунд, будто взвешивает. Потом резко кивает, перекидывает сумку через плечо и проходит мимо меня в коридор.

Я следую за ней — на полшага позади, так, чтобы видеть, как её волосы падают на спину, как она сжимает ремень сумки.

На этот раз у главных ворот стоит трое фотографов. Они курят, слоняются без дела, обсуждают что-то своё. Но как только мы выходим из дома, они оживают — подскакивают, будто их кнопкой включили, и направляют объективы на нас.

Вспышки. Щелчки. Этот знакомый, ненавистный звук.

Катя тихо ругается — я слышу, как она шипит сквозь зубы:

— Неужели им больше нечего делать?

— Роман, Екатерина! — кричит один из них, перекрикивая шум улицы. — Вы действительно ненавидите друг друга? У вас есть для нас комментарий?

— Занимайся своими делами, — бросает Катя, даже не поворачиваясь. А потом, не знаю, что на неё находит, она останавливается и говорит: — Серьёзно? Это всё, что вы хотите знать? Тогда можете сфот-

кать нас вместе. Будто мы друзья.

 Я смотрю на неё. Она смотрит на меня. И в её глазах — вызов.

 Я кладу руку ей на плечо. Осторожно, почти невесомо. Но она не отстраняется.

 — Улыбайся в камеру, — говорю я, ухмыляясь.

 Я поднимаю большой палец вверх. Катя тоже улыбается — не той своей натянутой, дежурной улыбкой, а настоящей, почти хищной. Она кладёт руку на моё плечо и повторяет мой жест. Большой палец вверх. Лучшие друзья, блядь.

 Фотографы разочарованно закатывают глаза — я буквально вижу, как их плечи опускаются. Им нужен был скандал. А получили двух идиотов с большими пальцами.

 Мы быстро уходим, не сбавляя шага, и я чувствую её ладонь на своём плече ещё несколько мгновений после того, как она убирает руку.

 Мы проходим достаточно далеко, прежде чем кто-либо из нас произносит слово.

 А потом Катя смеётся.

 Звук лёгкий, мелодичный, такой чистый, что у меня перехватывает дыхание. Я смотрю на неё, потому что не помню, чтобы раньше слышал её смех. В колледже она никогда не смеялась. Только улыбалась — той правильной, выверенной улыбкой. А сейчас она запрокидывает голову, закрывает глаза, и смеётся так, будто с неё слетели все цепи.

 Когда она наконец останавливается, её глаза блестят, щёки розовые, и она смотрит на меня с лёгким смущением.

 — Что? — спрашивает она.

 — Ты смеёшься как сумасшедшая, — говорю я.

 Она пожимает

плечами, и в этом жесте — столько небрежной, непривычной лёгкости, что я почти ей завидую.

 Я вытаскиваю пачку сигарет, привычным движением достаю одну.

 — Хочешь? — спрашиваю, протягивая.

 Катя качает головой. Отрицательно. Но без того отвращения, которое было раньше. Просто — нет, спасибо.

 Мы идём дальше, и я чувствую, как тишина между нами становится другой. Не враждебной. Не напряжённой. А... почти comfortable.

 — Я так понимаю, вы тоже едете в летний дом? — спрашивает она, — Почему ты слушаешь свою мать? Мог бы поехать куда-нибудь отдохнуть.

 — Милана открыла счёт, — я делаю паузу, подбирая слова. Это звучит мерзко даже для меня. — Если я буду послушным мальчиком, она переоформит его на моё имя.

 Катя не комментирует. Только смотрит прямо перед собой.

 — А правда, — спрашиваю я, и сам не знаю, зачем мне это знать, — что тот дом принадлежал твоей матери?

 Она пожимает плечами, но я вижу, как её лицо меняется. Становится закрытым, отстранённым.

 — Это было её любимое место, — говорит она тихо. — Когда я была ребёнком, мы с мамой отдыхали там каждое лето.

 — И он везёт туда Милу, — я не спрашиваю. Я констатирую факт. — Это хуёво с его стороны.

 — Ничего страшного, — отвечает она, но я вижу, что Катя лжёт. Это читается в том, как дёргается её уголок губ, как она сжимает лямку сумки. — Твоя мама кажется неплохой женщиной.

Но мне тоже странно, что ты называешь её по имени.

Мы останавливаемся у входа в метро. Вокруг люди, спешащие по своим делам, никто не обращает на нас внимания.

— Ты имеешь в виду — вместо «мамочки»? — ухмыляюсь я, пытаюсь сбить напряжение.

Она не улыбается.

— А куда мы вообще идём? — спрашиваю я, доставая сигарету. Мне хочется курить. Хотя прошло всего десять минут с последней затяжки. Но Катя заставляет меня нервничать. Или, скорее, я чувствую раздражение из-за того, каково было видеть её, стоящую рядом со мной, с рукой, небрежно перекинутой через моё плечо перед камерами. А может быть, я раздражён, потому что не трахался уже десять дней? Это рекорд. Позорный рекорд.

— Я не знаю, — говорит она, и в её голосе — усталость и облегчение одновременно. — У меня не было никаких планов.

— Ты не похожа на легкомысленную девушку, — замечая я. И добавляю после паузы, потому что не знаю, зачем это говорю: — И я могу не ехать в этот летний дом, если тебя это беспокоит.

Она смотрит на меня. Долго. Потом отводит взгляд.

— Поехали, — говорит просто. И спускается в метро.

Мы едем чёрт знает куда. Я не слежу за станциями, не запоминаю названия. Мы говорим об обычных вещах — ничего серьёзного. Кажется, теперь она меньше раздражается. Она даже смеётся — пару раз, искренне, когда я рассказываю о некоторых маминых друзьях, голливудских знаменитостях, которые вели

себя так, будто сценарии их жизни писал сумасшедший. Я рассказываю о скандалах, которые реально были, и она слушает с открытым ртом.

Я говорю ей, что наша маленькая фотография со средними пальцами — это мелочь по сравнению с тем, что творится в мире мамино шоу-бизнеса.

Она смеётся, и это мило. По-настоящему мило.

— А сейчас куда? — спрашиваю я, когда мы выходим на очередной станции.

— Никаких планов, — Катя пожимает плечами, и в этом жесте — вызов и свобода, которых я в ней раньше не замечал. — Просто не хочу находиться даже рядом с домом. У тебя есть предложение получше?

Я поднимаю руки в притворной капитуляции:

— Как хочешь, принцесса.

Она игнорирует прозвище — впервые за всё время. Не огрызается, не закатывает глаза. Просто идёт дальше, и я следую за ней.

Мы идём не спеша, пока не добираемся до парка. Деревья, скамейки, редкие прохожие. Спокойно. Тихо.

— Ты не так уж плоха, — говорю я, нарушая молчание. — Я имею в виду, для высокомерной суки.

Она смеётся. Не обижается. Смеётся!

— Не могу поверить, что ты только что меня так назвал, — качает она головой, но в голосе — веселье.

— Сучка? — уточняю я.

— Люди думают, что я стерва? — спрашивает она, и в её голосе вдруг появляется неуверенность. Я никогда не слышал её неуверенной.

Честный ответ — да. Но я пожимаю плечами:

— Ко-

го волнует, что они думают?

 Она смотрит на меня долго и пристально. Изучает, будто видит впервые.

 — Лучше, чем быть избалованным мудаком, — говорит она тихо.

 Я ухмыляюсь. Потому что она права.

 — Как скажешь, заучка.

 Мы молчим несколько минут. Хорошо молчим. Я не хочу нарушать тишину, которая установилась между нами, словно какое-то заклинание.

 — А ты? — спрашиваю я.

 — А что я? — она поворачивается ко мне.

 — Чем ты хотела бы заняться по жизни? Или твоя жизнь уже расписана твоим отцом?

 Она горько смеётся. В этом смехе — столько боли, что мне хочется взять её за руку. Но я не делаю этого.

 — Неважно, чем я занимаюсь, — говорит она. — Как ты правильно заметил, всё идёт по плану отца.

 Мы подходим к скамейке и садимся плечом к плечу. Я осознаю нашу близость — почти касание. Моё плечо чувствует тепло её плеча через ткань одежды. Она ничего не говорит, и я ничего не говорю. Мы просто сидим тихо, смотрим на деревья, на небо, на людей, которые проходят мимо и не знают, кто мы.

 Потом мы встаём, чтобы уйти.

 Я тянусь к её руке, чтобы помочь подняться — машинально, не думая. Она спотыкается на ровном месте, хватается за меня, и мы замираем.

 Мой взгляд падает на её грудь. Потом поднимается к губам. Катя вздыхает — глубоко, прерывисто, — и я заикливаюсь на её нижней губе. На том, как она приоткрывается в замедленной

съёмке. Как её язык — медленно, будто невзначай — проводит по губе, увлажняя её.

 Я представляю, как эти губы могут быть нежными на ощупь. Какими они были той ночью.

 В штанах мгновенно становится тесно.

 Я не думаю. Я просто наклоняюсь и впиваюсь в её губы — резко, жадно, словно умирал без этого.

 Она издаёт томный вздох — этот звук вплавляется в мой мозг, как клеймо. Её язык встречается с моим, и это не поцелуй, это битва. Она сжимает мою рубашку в кулак, притягивает меня ближе, выгибает спину так, что её бёдра прижимаются к моему стояку, и я чувствую, как схожу с ума.

 Мои руки хватают её ягодицы — грубо, требовательно. Мне плевать, где мы. В парке. На скамейке. При людях. Я хочу сорвать с неё одежду и трахнуть прямо здесь, посреди бела дня, не обращая внимания ни на что.

 А потом — так же внезапно, как началось — всё заканчивается.

 Она упирается ладонями в мою грудь и толкает. Сильно. Я отступаю назад, и в моей голове — туман. Она вытирает рот рукой, будто я прокажённый, от которого не терпится избавиться.

 Я смотрю на неё, пытаюсь понять, какого чёрта она здесь играет. Но в моём мозгу не осталось крови — вся ушла вниз. Всё, что я знаю сейчас, это то, что член взорвётся, если я не сделаю хоть что-то. А она выглядит так, будто съела тухлое яблоко.

 — Не надо, Рома... — Катя поднимает руку в знак протеста. Ладонь между нами, как баррикада. Как будто я, блять, схватил её и поцеловал

против воли. Как будто она не стонала в мои губы буквально секунду назад. Как будто она не тёрлась о мой член, как о волшебную лампу, загадывая желание.

 — Что не так, принцесса? — спрашиваю я горько. Голос хриплый, чужой.

 Катя качает головой. Её пальцы всё ещё прижаты к губам. Губы распухли, кожа вокруг них покраснела от моего поцелуя, и это самое сексуальное зрелище, которое я видел за последние десять дней.

 — Этого больше не произойдёт, — говорит она, но её голос дрожит.

 — Не волнуйся, — выплёвываю я, и в моих словах — злость, разочарование, желание и ещё что-то, чему я не знаю названия. — То, что я хотел быстро трахнуться, ничего не значит.

 Она смотрит на меня с выражением, которое я не могу прочесть. Может быть, это разочарование. Может быть, обида. Может быть, она сама не знает, что чувствует.

 — Просто... — она запинается. Сглатывает. — Просто не прикасайся больше ко мне.

 Я не могу сдержать смех. Он вырывается злым, рваным, неуместным.

 — Не прикасаться? — переспрашиваю я, и в моём голосе — издевка. — Не волнуйся, принцесса, твоя киска не волшебная. Мне не составит труда держать мой член подальше от тебя.

 Она прищуривает глаза. Сжимает челюсти так, что я вижу, как играют желваки.

 — Хорошо, — говорит она ледяным тоном. — Я рада это слышать. Мы должны быть взрослыми. Друзьями. Мы должны вести себя прилично.

 Очевидно, у моего чле-

на ужасный вкус на женщин. Катастрофический.

 — Вернёмся домой? — она спрашивает почти шёпотом. В голосе — надежда и страх одновременно.

 Яжимаю плечами. Достая из заднего кармана пачку сигарет.

 — Нет, — говорю я. — Я думаю, что просто собираюсь кого-нибудь трахнуть. Нет смысла иметь эрекцию и не иметь возможности её использовать.

 Я говорю это только для того, чтобы причинить ей боль. И это работает. Она моргает несколько раз — быстро-быстро, как будто пытается сдержать слёзы. Стоит, сжав руки в кулаки.

 — Хорошо, — её голос — как лёд. — Веселись.

 Она разворачивается и уходит. Я смотрю, как её фигура удаляется по аллее, как волосы падают на спину, как она поднимает голову и не оборачивается.

 Может быть, она и была хорошей подстилкой. Но таких девочек — пруд пруди. Она мне не нужна.

 Я глубоко затягиваюсь, выпускаю дым в небо и повторяю это снова и снова.

 Она мне не нужна.

 Чёрт возьми.

 Она мне не нужна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.